

Весь мир насилия мы разрушим?

В последние месяцы белорусскую массовую аудиторию не на шутку взволновал ряд агрессивных эксцессов с участием, казалось бы, совершенно безобидных и добропорядочных категорий населения: пенсионеров, инвалидов, учащихся, которых никак нельзя заподозрить в принадлежности к маргинальным или экстремистским слоям. Эти вопиющие с точки зрения сложившихся представлений о нормах поведения случаи, имевшие место в быту и в общественных местах и ставшие достоянием широкой гласности благодаря бурному развитию средств массовой информации и коммуникации, наводят на ряд размышлений.

Прежде всего, важно выяснить, с чем мы имеем дело: с возрастанием уровня агрессии в обществе либо же с расширением возможностей информирования, создающим впечатление о росте насильственных тенденций? Ответ, как водится, вырисовывается неоднозначный, в очередной раз подтверждающий, что любое явление в социуме чаще всего выступает следствием множества факторов, причем не только перечисленных.

Бурный расцвет информационных технологий начался лишь немногим более трех десятков лет назад, а специалисты с тревогой констатируют многочисленные изменения, которые он вызвал в системе общественных отношений и ценностей. Первое и на первый взгляд довольно безобидное: виртуализация межличностной сферы. Все мы сплошь и рядом наблюдаем молодых людей, заткнувших уши наушниками и среди шумной толпы полностью погружившихся в свой внутренний мир. Вроде бы, что может быть невиннее: подросток слушает музыку. Но при этом он отгораживается от окружающих невидимой стеной, что отнюдь не способствует развитию коммуникабельности, отзывчивости и тем более готовности прийти кому-либо на помощь.

Другое увлечение, захватившее население от мала до велика, связано с «мобильниками». Сегодня люди буквально не представляют без них своего существования. Даже не верится, что каких-нибудь пару десятков лет назад большинство граждан совершенно свободно обходились без дан-

ных устройств и никаких неудобств от этого не испытывали. Создается впечатление, что возможности для общения в результате всеобщей «мобилизации» многократно возросли. Но психологи предупреждают: мобильник всем хорош – за исключением того, что его в любой момент можно просто отключить, заодно «выключив» и собеседника. Все большему числу специалистов становится очевидным, что общение по телефону – это некий суррогат. Оно позволяет слушать только самого себя, используя другого лишь в качестве фона, тогда как непосредственные контакты предполагают координацию, синхронизацию, необходимость следить за реакцией второй стороны и учитывать ее. Неудивительно, что следствием подобной всеобщей формализации общения становится утрата эмпатии, то есть способности к сопереживанию, сочувствию другому человеку. А от этого до проявлений немотивированной агрессии – один шаг.

Но, пожалуй, наибольшее количество копий сломано вокруг влияния на уровень агрессивности сюжетов, содержащих сцены насилия, в электронных СМИ и в Интернете, и в особенности – компьютерных игр соответствующего содержания. Мнения по поводу воздействия последних на психику подрастающего поколения расходятся. Отдельные специалисты склонны отнести подобные игры к средствам символической разрядки, позволяющим не допустить выхода накапливающихся агрессивных эмоций в область реальных отношений. Но практика свидетельствует, что эти упования не оправ-

дываются. Все чаще приходится слышать о диких случаях, когда, например, ничем не выделявшийся среди сверстников сельский подросток убивает свою мать за отказ приобрести компьютер.

Но особенно шокирующее происшествие из отечественной действительности не получило в свое время широкой огласки. Между тем оно, как чудовищная иллюстрация того, к чему может привести виртуализация сознания и мышления молодого поколения, складывающаяся под влиянием компьютерной и игровой зависимостей, очень беспокоило психологов. Двенадцатилетний подросток, с головой погруженный в «стрелялку», без колебаний убил свою мать, которая пыталась отвлечь его от компьютера, чтобы накормить, и продолжил игру. Когда через двое суток коллеги убитой, встревоженные ее отсутствием, взломали дверь в квартиру, перед ними предстало жуткое зрелище: подросток, спрятавший тело матери в шкаф, по-прежнему предавался своему занятию – без перерывов на сон и еду. Кровавый монстр, скажут многие. Но так ли это?

Психологи обращают внимание на одну особенность большинства компьютерных игр: убитый герой в них не погибает, а возвращается на базу, где, перевооружившись, обретает новую жизнь. Согласно вердикту специалистов, в данном случае подросток, чье сознание было искажено погружением в виртуальную реальность, просто отправил свою мать, так сказать, на базу – даже не

отдавая себе отчета, что с этой базы уже не возвращаются.

Однако изменения в жизни общества на рубеже веков отнюдь не сводятся к тем, что вызваны бурным развитием информационных технологий. Экономическая и социальная структура общества подверглась не менее кардинальным трансформациям, что не могло не наложить свой отпечаток на характер межличностных отношений. Кроме того, адаптация различных возрастных категорий населения к осуществляющимся изменениям происходит с различной скоростью, что только добавляет остроты вечному как мир конфликту поколений. Все это создает причудливый коктейль из противоречий, в которых становится все труднее определить правую и виноватую стороны. В частности, специалисты констатируют, что родители начинают все более отчуждаться от своих детей. Никто не отрицает: для этого есть объективные основания. По мере того как государство постепенно уходит от тотального регулирования всех сторон жизни общества, людям приходится затрачивать больше усилий на обеспечение достойной жизни для себя и своей семьи. В некоторых случаях это приводит к тому, что родители из-за недостатка сил, времени и желания подменяют заботу о молодом поколении стремлением откупиться от него. И когда избалованное чадо, ни в чем не знавшее отказа, вдруг заявляет своему успешному во всех отношениях родителю, что оно его ненавидит, последнему остается

только горестно разводить руками, сетуя на черную неблагодарность. Однако на самом деле такое страшное открытие зачастую во многом бывает закономерным, потому что дорогие автомобили и прочие блага жизни не способны заменить вдумчивого и заинтересованного общения, совместного обсуждения детских проблем и поиска их решений.

Отмечают специалисты изменения и в традиционной роли бабушек и дедушек, которая перестает связываться с необходимостью непрерывной заботы о подрастающем поколении. Уделом одной части пожилых людей становится борьба за выживание, другая, напротив, получает неведомые прежде возможности для путешествий и прочих радостей жизни. Однако в итоге и те, и другие уделяют гораздо меньше внимания своим внукам. Последствия этого предсказуемы: современные бабушки и дедушки начинают замечать, что внуки их не любят. На фоне общего старения населения это приводит к тому, что у нас становится все больше людей ворчащих, жалующихся, обижающихся на недостаток внимания и, в конечном счете, агрессивничающих: дескать, мы в свое время всех себя без остатка посвятили стране, а где отдача? Во многом эти претензии справедливы, но, в то же время, каждый обязан задать себе вопрос: не упустил ли он нечто важное в потоке трудовых будней, утратив шанс заслужить эту недостающую теперь любовь?

А что же молодое поколение, к которому обращена львиная доля из высказываемых упреков, хотя оно, как правило, не виновато в проблемах пожилых и само нередко является жертвой недоверия? С одной стороны, сейчас перед ним открыты небывалые возможности. Если раньше за него все решали, будущее было заранее предопределено: комсомол, партия, гарантированное трудоустройство и так далее, то сегодня практически все ограничения сняты, выбор за каждым. С другой стороны, подросток, по большому счету, предоставлен самому себе, и в этом сложность. Хорошо, если родители, очутившиеся в непростых условиях свободного плавания, сумеют привить ребенку навыки самостоятельности и ответственности за свои действия, да заодно обогатить его культурно и помочь усвоить моральные нормы и ценности.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Владимир ЯНЧУК, декан факультета психологии Академии последипломного образования, доктор психологических наук:

– Место человека под солнцем определяется тем, что вторая, знаковая сигнальная система является у него доминирующей. С одной стороны, это дает ему свободу, потому что, поместив весь мир в свою голову, он получает возможности для моделирования, прогнозирования и прочего. Но с другой – то же самое обстоятельство делает его беззащитным, так как он не способен изменять существующие нормы по своему усмотрению.

Как это работает, можно пояснить на примере социальной нормы. Скажем, если вы твердо усвоили, что старому человеку место в общественном транспорте надо уступать всегда, у вас нет проблем: при появлении в вагоне представителя старшего поколения вы без колебаний встаете, получая при этом незримые аплодисменты со стороны окружающих как человек воспитанный. Если же ваши представления о норме размыты, все усложняется. Предположим, зашел пожилой человек – а вы смотрите по сторонам: есть ли поблизости свободное место, не сидит ли рядом кто-то помоложе. Можно и вовсе уткнуться в книжку или притвориться спящим, или, хуже того, перейти к дискредитации престарелого претендента: дескать, вместо того, чтобы на печи лежать, прешься с утра пораньше на базар. Вот простейшая иллюстрация того, как неувоенный поведенческий стереотип порождает конфликтную ситуацию. Поэтому задача родителей и общества морально-этические нормы у подрастающего поколения целенаправленно формировать, поскольку они не усваиваются сами по себе. И делать это необходимо не вдалбливая то или иное правило, а объясняя, как, зачем и почему, чтобы человек усваивал их осознанно. Хотя бы потому, что большинство людей когда-нибудь становятся старыми: правда, по молодости эта перспектива и кажется очень далекой.

Но даже если вы хороший родитель и сумели правильно воспитать своего ребенка, этого недостаточно. Ведь ограничение уютными рамками индивидуального мира не избавляет от необходимости порой выходить на улицу. И нет никакой гарантии, что когда-нибудь ваш воспитанный ребенок не встретится с чужим – недовоспитанным, и последствия этого будут непредсказуемыми. Так что позиция «моя хата с краю», хотя на первый взгляд она кажется наиболее удобной, очень опасна. Поэтому для меня лично в эпизоде, случившемся в минском метрополитене, самым печальным оказалась реакция окружающих – никто не вмешался, не попытался прекратить безобразие. Более того, даже свидетелей впоследствии найти не удалось. Поневоле вспоминается знаменитое высказывание: бойтесь равнодушных, ибо при их молчаливом согласии происходят все преступления.

Об этом я, в том числе как член Национальной комиссии по правам ребенка при Президенте Республики Беларусь, считаю своим долгом напоминать: если вы видите, что совершается что-то недопустимое, не молчите, сигнализируйте. Очень важно также, столкнувшись с неприглядными проявлениями действительности, не бросать копыя, а сообща думать над тем, что мы все вместе упустили, знакомиться с опытом других и пытаться этот опыт с учетом нашей культурной специфики реализовывать у себя, понимая: человек – существо социальное, способное творить как зло, так и добро.

Ведь этот подросток, к которому сегодня приковано всеобщее внимание, прожил 16 лет, рядом были родители, учителя, и все они вместе чего-то недосмотрели. Конечно, легче всего столкнуться лбами инвалидов с пэтэушниками, предав их общественной анафеме, снять директора ПТУ и наказать замдиректора по воспитательной работе, и гораздо сложнее разобраться, в чем корень проблемы.

Сделать же это поможет лишь организация максимально широкого общественного диалога и коллективного размышления о том, что нужно предпринять в будущем. Создание условий для нормальной жизни – результат консолидированных усилий всего общества, а роль государства состоит в том, чтобы поощрять общественную инициативу в данном направлении.

Если же он будет расти как придорожная трава, не исключено, что сорняк и вырастет. Все возрастные категории находят собственные механизмы защиты, и подростки здесь не исключение. Их стратегия защиты как раз и состоит в агрессии: я никого не трогаю, но тот, кто тронет меня, получит в ответ.

Трансформации в экономике и социуме далеки от завершения, напротив, они полным ходом продолжаются. Сопутствующие им проблемы в межличностных отношениях характерны для всех переходных обществ. Это, помимо всего прочего, означает, что не стоит изобретать велосипед. Резонно обратиться к опыту стран, раньше других построивших модель незарегламентированного общества и сумевших добиться ее стабильного функционирования. Не секрет, что в так называемых демократических обществах степень социальной агрессии, выражающаяся, в частности, в уровне преступности, в десятки раз выше, чем, скажем, была в Советском Союзе в период расцвета административно-командной системы и максимального «закручивания гаек». Такова плата общества за свободу в широком смысле, которую оно предоставляет сознательно. Но одновременно там выработаны действенные механизмы противостояния общественной агрессии, многократно доказывавшие свою эффективность.

Некоторые могут возразить: как же так, ведь практически в то же время, как белорусское медиа-пространство взорвали неприглядные эпизоды в отечественном общественном транспорте, в Соединенных Штатах, признанной колыбели демократии, в учебном заведении произошел очередной массовый расстрел, которыми печально знаменита эта страна. Причем на сей раз кровавая расправа превзошла многие, имевшие место ранее: «застенчивый убийца» Дэвид Ланза хладнокровно расстрелял из автоматического оружия 20 учащихся и 6 учителей начальной школы «Сэнди Хук». Канва этого чудовищного преступления, несмотря на «чисто американский» колорит, содержит что-то очень знакомое: тихий «ботаник», воспитывавшийся одинокой матерью, к удивлению всех оторвался, наконец-то, от компьютера и учинил невиданную по своей жестокости бойню. Многие даже скажут: нам до такого, слава богу, пока далеко. Но специалисты

предупреждают: самоуспокаиваться рано. Некоторые из них склонны считать: по уровню агрессии в социуме мы практически не уступаем Западу, что и неудивительно – отечественные формы общественного устройства стремительно сближаются с западными. Отсутствие же таких кровавых эпизодов на постсоветском пространстве объясняется попросту запретом на свободную продажу оружия. Дескать, если бы не он, аналогичные трагедии разыгрывались бы и у нас. Что и говорить, расстрелы, в частности, в московских университетах и фармацевтических фирмах, хотя они еще сравнительно немногочисленны, служат довольно зловещим подтверждением подобных опасений.

Но необходимо признать, что на Западе гораздо лучше нас готовы к встрече с такими ситуациями. Там выстроена целая система по профилактике и предотвращению насильственных проявлений. В специальных центрах полицейских обучают выявлению людей, находящихся в эмоционально неустойчивом состоянии, готовят к реакции на экстремальную ситуацию, если она все же произошла. Специальную подготовку проходят также учителя, родители, врачи, юристы, проблеме гуманизации межличностных отношений отведено важное место в уголовном законодательстве. И самое главное – зрелое общество сразу предаст любые агрессивно-насильственные проявления широкой огласке с тем, чтобы в процессе широкого обсуждения искать пути совместного решения проблемы. Нам это, к сожалению, пока не свойственно. Шум, поднятый вокруг отдельных эпизодов наподобие произошедшего в минском метрополитене, – без досконального изучения деталей ситуации и ее вдумчивого анализа, не в счет.

Обсуждение – вообще очень важный момент в вопросах предотвращения агрессии как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Потому что в процессе формализованных действий, пусть даже самого альтруистического характера, этого не происходит. Вполне можно без всякого эмоционального вовлечения поучаствовать, например, в акции по уборке леса или каком-либо ином благотворительном мероприятии, после чего пойти и совершить что-то диаметрально противоположное. Поэтому специалисты не устают напоми-

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Игорь ФУРМАНОВ, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии БГУ:

– У каждого человека есть свой природный биологический потенциал агрессии, формы проявления которого различаются в зависимости от пола и возраста. Кстати, распространено заблуждение, что мужчины агрессивнее женщин: это не так. И те, и другие агрессивны в одинаковой степени, но в процессе социализации и воспитания мужские формы агрессии продолжают оставаться открытыми и видимыми, проявляясь в форме брани и физического воздействия, тогда как женская агрессия становится более замаскированной и выражается в распространении слухов, сплетен и тактике так называемых мелких пакостей.

Кроме биологической, специалисты выделяют агрессию, присутствующую в социальных отношениях: у нее может быть огромное количество причин, скажем, насильственные отношения в семье и т.д.

Агрессия имеет свойство накапливаться, поэтому, если подросток оказывается в неблагоприятной среде, которую он оценивает как опасную, способную нанести ущерб, причем не обязательно физический, а, скажем, психологический – личностному достоинству, самоуважению, самоотношению, он начинает защищаться. К слову, в переходном возрасте дети особенно чувствуют неуважительное отношение к себе, поскольку биологически они считают себя достаточно взрослыми. Соответственно, любые проявления унижения со стороны взрослых их личностного достоинства в том виде, в котором они его понимают, они воспринимают очень болезненно, а потому ведут себя вызывающе, достаточно агрессивно и враждебно.

Что касается эпизода в минском метрополитене, мне неизвестны его нюансы, поскольку я знаком с ним только по комментариям на форуме. В связи с этим не берусь анализировать случившуюся ситуацию, в частности, судить, кто был провокатором. Им могла

стать любая сторона этого конфликта. То же самое можно сказать и о физической агрессии в отношении контролера в Новополоцке. Так или иначе, вне зависимости от того, кто был прав или виноват в каждом конкретном случае, произошедшее дает основания сделать вывод, что уровень агрессии в нашем обществе в настоящий момент достаточно высок, и она начинает выплескиваться на взаимоотношения с окружающими. Причинами этого может быть как недовольство собственной жизнью, так и другие факторы – обьяснений масса.

Те эксцессы, которые мы наблюдаем сейчас, – следствие насильственного мышления, формировавшегося в нашем обществе столетиями. Патриархат в семье, схема «начальник – подчиненный» – подобная вертикальность структуры общественных отношений всегда предполагает отношения «агрессор – жертва». Неудивительно, что жертве не нравится находиться в таком положении, и она всячески пытается выскользнуть из создавшейся ситуации. Но поскольку это возможно далеко не всегда: ребенок не может уйти из семьи, где по отношению к нему проявляют физическое или психологическое насилие, жена не всегда способна оставить третирующего ее мужа, не всякий подчиненный имеет возможность уволиться с работы и найти себе другую – многие люди вынуждены против воли пребывать в своей незавидной роли. А от жертвы до агрессора всегда один шаг.

Здесь начинает работать такое психологическое понятие, как компенсация: если жертва не может выразить свою агрессию по отношению к обидчику, она начинает ее смещать. Хорошее представление о сказанном дает известная картинка Бидструпа: директор накричал на начальника цеха, тот на рабочего, рабочий вышел и пнул собаку, а та укусила директора фабрики. Именно смещением обьясняется стремление к проявлению власти над теми, кто слабее, типичным примером чего является издевательство над животными и т.п. Эпизоды, которые сейчас широко обсуждаются, – из того же ряда.

Как бы то ни было, сегодня очевидно, что необходимо активнее приступать к выяснению причин, способствующих накоплению потенциала насилия, а также поиску механизма контроля над собственной агрессией.

нать о необходимости проговаривания, обсуждения агрессивных импульсов – если возникшее возбуждение таким образом не снимается, оно ищет выход, и нарыв рано или поздно прорывает.

Реализация обозначенного подхода подразумевает усиление роли психологических начал, что мы и наблюдаем на примере развитых стран. В механистическом, авторитарном советском обществе потребности в учете такого рода нюансов не ощущалось: если руководителю по определению доподлинно известно, что и как делать, кому нужна психология? Ситуация изменилась, когда государственная машина стала давать сбои. Постепенно начало приходить понимание – если управленческих и иных ресурсов не хватает, надо полнее задействовать человеческий фактор. Оказалось, что его грамотное использование способно принести гораздо больший результат, чем опора только на индивидуальный опыт и административные рычаги. Осознание новых реалий совпало с открытием границ, «железный занавес» приподнялся, на постсоветское пространство хлынули потоки неведомой доселе большинству информации, в том числе руководств по психологии типа знаменитого учебника Карнеги. В бывший «заповедник тоталитаризма» пришла мода на психологию, соответствующие специалисты стали зачисляться в штаты производственных, образовательных и многих других структур. Этот период ознаменовался расцветом отечественной психологической науки: в ней появилось много ярких имен, свет увидело множество интересных исследований.

Но время шло, трансформации продолжались, а с ними возникали новые вызовы. В последние годы существенные коррективы в общественный и социальный контекст внес глобальный экономический кризис, что не могло не отразиться на различных сторонах жизни белорусского социума. Появились новые социальные феномены, в частности такие, как переход очень значительной части отцов в категорию так называемых Дедов морозов. Речь идет о главах семейств, чьим источником получения дохода стала работа за рубежом – по оценкам специалистов, их количество в нашей стране достигает нескольких сот тысяч. Это не только белорусский феномен, схожая картина наблюдается во многих со-

предельных странах. Специалисты озабочены: такая тенденция способна еще больше усугубить и без того непростую ситуацию в сфере межличностных отношений. Вечно отсутствующий отец, осыпаящий детей подарками в редкие моменты своего появления, идеализируется детьми, но он никак не участвует в их воспитании. Вся же семейная нагрузка ложится на мать, и традиционное распределение социальных ролей на глазах деформируется. Как следствие, в обществе лавинообразно растет число феминизированных мальчиков и маскулинизированных девочек.

Дополнительные проблемы, хотя и другого характера, создает попытка защиты, по мере усложнения экономической ситуации, социально уязвимых слоев населения, тех же инвалидов. Руководствуясь самыми благими побуждениями, общество часто не задумывается над одной вещью: чем больше оно опекает кого-то, тем больше блокирует возможности его саморазвития, формируя тем самым потребительские настроения и, как ни парадоксально, обиду на то самое общество. За рубежом это давно поняли. Там стараются создать условия для вовлечения людей с ограниченными возможностями в активную трудовую деятельность, но отнюдь не стремятся осыпать их манной

▼ Во время сеанса психологической коррекции

небесной, лишив тем самым стимулов к максимальной самореализации.

В решении этих проблем также невозможно обойтись без помощи психологической науки, которая сама тем временем вошла в кризисную стадию, чему во многом способствовали накопившиеся в системе образования противоречия. Увлечшись платными формами обучения, многие наши вузы пошли по пути выдачи дипломов все большему количеству претендентов без учета их склонностей, природных данных и мотивации, что неизбежно привело к девальвации высшего образования вообще и снижению квалификации дипломированных психологов в частности. Не лучшую службу сослужила и формализация многих образовательных подходов, в том числе переход от традиционных форм вступительных испытаний к тестированию. По мнению очень многих серьезных ученых, это также создает почву для укоренения поверхностности у будущих молодых специалистов, которая в дальнейшем, как круги по воде, распространяется по всему обществу.

Но эти «болезни роста» ни в коем случае не могут служить основанием для умаления или тем более отрицания значения грамотных психологических начал в жизни общества. Не секрет, что, невзирая на имеющийся опыт западных стран и собственную богатую практику наступания на грабли, многие у нас до сих пор убеждены, будто межличностные коллизии и прочие коммуникативные проблемы в социуме вполне можно решать собственными силами, не обращаясь к специалистам. Однако это не более чем иллюзия: лишь квалифицированный психолог способен показать срез ситуации, который недоступен взору непрофессионала, и вооружить современным инструментарием для достижения требуемого баланса интересов.

К счастью, несмотря на определенную инерционность мышления, свойственную как отдельным людям, так и социуму в целом, понимание данной истины все больше завладевает сознанием наших соотечественников. Это говорит о том, что совместными усилиями мы сумеем прийти к многостороннему консенсусу, который и является характерной чертой подлинно гармоничного общества.

Галина МОХНАЧ